

Вынужденная перебить проповедника, девушка постаралась сделать это с возможной вежливостью:

— Мессир, при всем моем уважении к вам я готова поклясться жизнью, что мой король вовсе не такой, как вы утверждаете. Что же касается до моих слов и дел, то я одна за них в ответе.

Раздался одобрителный смех. Кто-то захлопал в ладоши.

— Прикажите ей замолчать! — взревел мэтр Эرار. Впечатление от проповеди было испорчено.

Жанна напряженно думала. Как, каким образом можно выиграть время? Как заставить их отложить вынесение приговора? Хоть бы какая-нибудь мельчайшая зацепка... И вдруг вспомнила. Во время процесса два монаха, пробравшиеся к ней в камеру, предложили ей апеллировать к римскому папе. Когда Кошон узнал об этом, он чуть не убил доброжелателей. В то время совет не принес пользы. Но почему бы им не воспользоваться теперь? Здесь, на людях, судьи будут вынуждены посчитаться с подобным требованием.

Жанна подняла руку.

— Я хочу что-то сказать... Я готова подчиниться святому отцу папе. Я прошу, чтобы мое дело было передано ему. Пусть он сам меня выслушает...

Прелаты были встревожены. Винчестер отрицательно покачал головой. «Папа слишком далеко», — пробормотал Кошон. Все понимали, что обращение к папе — это отсрочка. А они боялись любой отсрочки в той же степени, в какой девушка ее желала.

Жанне было категорически отказано в ее просьбе.

Затем, согласно установленной форме, ей трижды предложили отречься.

Она отказалась.

Кошон поднялся со скамьи, достал свиток пергамента и развернул его. Это был приговор. Переглянувшись с мэтром Эرارом, епископ начал читать